
КОНТЕКСТ

Е.В. БРОДОВСКАЯ, А.Ю. ДОМБРОВСКАЯ, Р.В. ПЫРМА*

**ДИСКУРСЫ ВНЕШНЕГО ИНФОРМАЦИОННОГО
ДАВЛЕНИЯ В КРЫМСКОМ И СЕВАСТОПОЛЬСКОМ
СЕКМЕНТАХ РУНЕТА: ОСОБЕННОСТИ, АДРЕСАТЫ,
КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹**

Аннотация. Статья представляет результаты прикладного исследования дискурсных практик информационных потоков внешнего происхождения, таргетированных на крымскую и севастопольскую аудитории социальных медиа. Исследуются особенности внешнего информационного давления на Крым и Севастополь как регионы-мишени, приемы информационной агрессии,

* **Бродовская Елена Викторовна**, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); заведующая кафедрой социально-политических исследований и технологий, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия), e-mail: brodovskaya@inbox.ru; **Домбровская Анна Юрьевна**, доктор социологических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); доцент кафедры социально-политических исследований и технологий, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия), e-mail: an-doc@yandex.ru; **Пырма Роман Васильевич**, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: pyrma@mail.ru

¹ Исследование реализуется на средства гранта РФФИ «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде (№ 18–011–00937 на 2018–2020 годы).

© Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.,
Пырма Р.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.03.11

информационного доминирования, осуществляемого с целью деконсолидации полуостровного сообщества, подрыва доверия ее представителей к российской власти, смещения представлений и стереотипизации мотивов лидеров Российского государства. Дизайн исследования основан на комплексной, гибридной стратегии эмпирического анализа и включает методы количественного и качественного подходов. Когнитивное картирование содержания сообщений цифровых сообществ, модерируемых внешними лидерами, предполагает структурный анализ контекстуальных, тематических характеристик соответствующих информационных потоков, установление соотношения между тематической палитрой внешнего информационного давления и приемами манипуляционного влияния, тональностью сообщений и пользовательским резонансом на данные информационные потоки. Изучение отобранных цифровых групп нацелено на содержательный анализ дискурсивных практик разных жанров, приемов, ориентированных на формирование стереотипов мышления целевых групп в отношении проблем развития Крыма в составе РФ. По итогам исследования делается заключение о тематических доминантах, ведущих приемах формирования дискурсов, взаимосвязи между лидирующими техниками стереотипизации сознания пользовательской аудитории – мишени внешних сил и характеристиками общественного резонанса. В завершение в качестве одной из многочисленных перспектив исследования анонсируется создание программы рекомендаций, направленной на противоявление антироссийской риторике и купирование негативных общественно-политических эффектов внешнего информационного давления в социальных медиа Крыма и Севастополя.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивные приемы; внешнее информационное давление; информационное доминирование; информационная агрессия; регионы-«мишени»; социальные медиа; Крым; Севастополь; когнитивное картирование; дискурс-анализ.

Для цитирования: Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. Дискурсы внешнего информативного давления в Крымском и Севастопольском сегментах Рунета: особенности, адресаты, конфликтогенный потенциал // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 243–265. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.11>

Проблемное поле

Цифровая эпоха актуализирует проблемы информационного противостояния и противоборства геополитических конкурентов в пространстве Интернета. Борьба информационных потоков и дискурсов в социальных медиа, наблюдавшаяся вокруг событий «цветных революций», «арабской весны», «русской весны» и других переломных политических процессов, позволяет выделить не только социальные группы (молодежь, этнические и иные меньшинства, внесистемную оппозицию и т.п.) в качестве основных

адресатов информационного воздействия, но и так называемые регионы-мишени. Под последними мы понимаем регионы и субрегионы, объединенные признаками общности территории, управления и историко-культурными характеристиками, иными словами, это типичные политические регионы, население которых подвергается системному внешнему информационному давлению. Такие регионы становятся информационными мишенями в силу ряда причин. Однако при всем многообразии и территориальной разбросанности регионов-мишеней (например, Калининградская область, регионы Северного Кавказа, Дальний Восток и др.) их объединяет сложный / затрудненный процесс формирования национально-государственной идентичности, наличие рисков сепаратизма. И то и другое обстоятельство являются маркерами политической дестабилизации, угрожающей сложносоставным обществам потерей территориальной целостности. Одними из регионов-мишеней внешнего информационного давления на территории современной России являются Крым и Севастополь.

В настоящем исследовании мы следующим образом операционализируем категорию «внешнее информационное давление». Под внешним информационным давлением понимаются систематические информационные воздействия преимущественно манипулятивного характера, исходящие от центров и лидеров общественного мнения иностранного государства / государств, оказывающих воздействие на население региона-мишени посредством цифровых коммуникаций. Исходя из этого, основными параметрами анализа информационных потоков в социальных медиа региона-мишени выступают:

- вес внешнего информационного потока;
- частота информационных касаний;
- содержание и направленность дискурса;
- наличие цифровой инфраструктуры влияния;
- технологии и техники манипулирования в дискурсе.

Теоретический обзор

В исследованиях дискурса прослеживается движение от рассмотрения структуры текста к пониманию его смысла, переход от лингвистического анализа текста к определению контекста, ценно-

стей и идеологии. Дискурс транслирует ценностные установки, формируя сознание и поведение целевых групп.

Описывая потенциал влияния дискурса, М. Фуко исходит из гипотезы, что «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [Фуко, 1996, с. 51]. Таким образом, М. Фуко рассматривал дискурсивные практики как разновидности технологий управления, с помощью которых различные силы пытаются реализовать свои проекты и программы [Фуко, 2004].

В дискурсивной теории Э. Лакло и Ш. Муфф социальный мир формируют значения. Дискурс определяется как структурное единство между элементами, которые меняют идентичность в результате артикуляционной практики. Политика рассматривается ими как борьба между дискурсами для достижения гегемонии [Laclau, Mouffe, 2001].

Концепция критического дискурс-анализа (Н. Фэйрклоу, Т.А. ван Дейка) отталкивается от медийной действительности массового общества, понимания информационного воздействия как манипуляции, преднамеренного введения аудитории в заблуждение и внушение определенных установок с целью ее идеологического подчинения [Fairclough, 2001]. Т.А. ван Дейк определяет дискурс как коммуникативное событие, происходящее в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте [van Dijk, 2009; ван Дейк, 2013].

Исходя из задач исследования, интерес в дискурсивной психологии представляет выделение репертуаров интерпретации, т.е. наборов понятий, посредством которых описываются и оцениваются социальные явления, события и действия. Они обычно выражены в стереотипах, метафорах, клише, фигурах речи и т.д. Текстовый анализ дискурсивной психологии рассматривает, как авторы используют лексику для того, чтобы представить, позиционировать себя и других в определенной ситуации [Кутковая, 2014, с. 6]. Дискурсивно-психологический подход оказался продуктивным для изучения медиатекстов в современную эпоху цифровых коммуникаций, отмеченную ростом использования соци-

альных сетей, интерактивных сайтов, платформ для обмена сообщениями с визуальным контентом, SMS-текстов, блогов и т.д.

На основании ряда исследований Е. Шейгал определяет использование политического дискурса как инструмента борьбы за власть, обозначая следующие взаимосвязанные функции: 1) интеграция и дифференциация групповых агентов политики; 2) гармонизация и дезорганизация как выражение консенсуса и конфликта; 3) информирование и дезинформирование о действиях политических акторов; 4) интерпретация информации и ориентация в событиях, создание «языковой реальности» поля политики; 5) контроль и побуждение для манипуляции сознанием и стимулирования действий общественности [Шейгал, 2005, с. 57–58].

Значительное место в понимании проблемного поля настоящего исследования занимает дискуссия вокруг терминологического аспекта вопросов информационного воздействия. Авторы по-разному определяют суть и объем терминов «информационно-психологическая операция», «информационное противоборство», «информационная война». Здесь проявляется проблема определения критериев перехода из состояния информационного взаимодействия конфликтного типа в «горячую» фазу информационной войны.

Информационное противоборство понимается как конкурентное взаимодействие субъектов внутренней и внешней политики, при котором оппоненты стремятся добиться доминирования в интерпретации событий для убеждения народных масс или адресных групп, нанести ущерб репутации противника посредством массовых коммуникаций, цифровой инфраструктуры и социальных сетей.

Исторически первые приемы информационного противоборства формировались в рамках сопровождения военных действий с целью дезориентировать противника при принятии решений или подорвать его психологическую устойчивость. Г. Лассуэлл отмечал, что во время Первой мировой войны руководство стран-участниц пришло к выводу, что для мобилизации населения и материальных ресурсов необходимо целенаправленное управление государством общественным мнением [Ласвель, 1929, с. 31]. В дальнейшем информационное противоборство стало составной частью политики государств, как в военное, так и в мирное время.

Концепция информационной войны возникла в период холодной войны на основе несилового противоборства, которое пре-

дусматривало методы организации собственных информационных ресурсов во враждебных государствах, блокирование противнику доступа к достоверной информации, распространение потоков ложной информации и др. [Rona, 1976]. Информационные воздействия включают приемы защиты, искажения, манипулирования и опровержения информации. Цель информационной войны состоит в достижении и удержании информационного превосходства над сознанием граждан. «Информационное доминирование имеет своей задачей не дать противоположной стороне воспользоваться информационным пространством в полной мере» [Libicki, 1995, с. 362]. Г. Почепцов раскрывает модель ведения информационной войны, в которой сосредотачиваются следующие компоненты. Во-первых, информационный повод, возникшая ситуация, которая часто интерпретируется как негатив. Во-вторых, отдельный свершившийся факт и его толкование становятся закономерностью, принимаемой большинством населения. В-третьих, фреймы, которые представляют собой ментальные конструкции, позволяющие распознавать, понимать и интерпретировать события и реагировать на них. Способ эффективной борьбы с фреймом заключается в создании, актуализации и расширении новых фреймов [Почепцов, 2000, с. 35].

В медийном дискурсе агрессия может осуществляться как вербальными, так и невербальными средствами. Под информационной (медийной) агрессией понимается выражение открытой неприязни и враждебности к референту (аффективная агрессия) и целенаправленное воздействие на сознание целевой аудитории (когнитивная агрессия) с целью его идеологического подчинения. В условиях информационной войны формируется и усиливается функция информационной агрессии, которая может рассматриваться в рамках манипулятивного дискурса как манипулятивное убеждение [Озюменко, 2017].

В качестве инструмента информационной войны исследователи рассматривают метафорическое манипулятивное воздействие в политическом дискурсе. Метафора побуждает к действию. Создание устойчивых метафор, передающих смыслы, символы и ассоциации, объясняется потребностями массовой коммуникации. В политическом дискурсе метафоры способны формировать положительные и отрицательные образы. По мнению исследователей, «совокупность метафор определенного концептуального поля по-

литического дискурса входит в состав метафорической модели универсальной эпистемологической категории, которая выражает общую семантику дискурса и формирует у адресата определенные стереотипы мышления» [Зарипов, 2015]. Исследователи на основе наиболее актуальных метафорических выражений рассматривают воздействие на реципиента в языковом (слово) и визуальном (изображение) аспектах на примере репрезентации образа России в политическом дискурсе западных СМИ [Попова, Зарипов, 2017].

Анализируя постмодернистский концепт современных средств ведения войны, В.В. Кафтан выделяет следующие технологии и техники: «ризома... ориентирована на переосмысление значений бинарных оппозиций. Бриколаж способствует преобразованию значения посредством нового использования или нестандартных переделок символов. Ирония... провоцирует образ жизни и стиль мышления людей. Деконструкция создает новые смыслы посредством разрушения стереотипа или включения знакомой идеи в новый контекст. Гиперреальность означает конструирование пространства ложных знаков симулякров, оторванных от реальных событий» [Кафтан, 2015, с. 58].

Исследователи Н.Н. Кошкарова, Н.Б. Руженцева и Е.Н. Зотова рассматривают репрезентацию деструктивных феноменов «российской агрессии» и «российского следа» в американских и украинских информационных потоках. По их мнению, «представленные в национальных языковых корпусах и в сети Интернет материалы транслируют аксиологические установки и приоритеты акторов политической коммуникации, отражают концептуальную оппозицию “свои – чужие”, становятся причиной деструкции политического дискурса» [Кошкарова, Руженцева, Зотова, 2018, с. 74]. Исследователи отмечают, что ведущаяся информационная война «характеризуется трансляцией деструктивных смыслов и ведет как к психологическому и речевому воздействию на целевую аудиторию, так и к дестабилизации отношений между государствами» [Кошкарова, Руженцева, Зотова, 2018, с. 74].

В свою очередь, Т.В. Евгеньева исследует ментальные основания идентичности российской нации, репрезентируемые через систему образов и символов в период после реинтеграции Крыма. Автор приходит к выводу, что образно-символическое пространство «крымского консенсуса» оказалось стереотипизированным, но не монолитным. Подчеркивается необходимость поиска новых

смыслов, способных сформировать более прочные ментальные основания российской идентичности [Евгеньева, 2017].

В работе Н.А. Марецкой отмечается, что в настоящий момент в украинском информационном поле по большей части присутствуют фиксации, основанные на продвижении националистических и русофобских идей. Транслируемый в блогосфере контент способствует формированию негативных фреймов, что свидетельствует о применении манипулятивных технологий [Марецкая, 2017].

Теоретико-методологическая основа исследования включает в себя следующие компоненты:

– концепция социального воспроизводства дискурса П. Бергера и Т. Лукмана, исходящая из того, что дискурс оказывает прямое влияние на общественное сознание и взаимодействие людей, а социальная действительность, в свою очередь, влияет на формирование, трансляцию и поддержание дискурсов, которые непрерывно создаются обществом в процессе обмена информацией, эмоциями и действиями [Бергер, 1995, с. 104];

– концепция критического дискурс-анализа (Н. Фэркло, Т.А. ван Дейк и др.), отталкивающаяся от медийной действительности и понимающая информационное воздействие как манипуляцию, преднамеренное введение аудитории в заблуждение и внушение определенных установок с целью ее идеологического подчинения [Fairclough, 2001]. Власть заключена в контроле над обществом, а контроль над дискурсом открывает доступ к его производству и содержанию, стилю и общественному сознанию [ван Дейк, 2013, с. 15];

– дискурсная теория Э. Лакло и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe, 2001], базирующаяся на положении, согласно которому дискурсы постоянно находятся в состоянии противоборства, они конкурируют между собой за установление определенных значений, поэтому дискурс понимается как открытая структура, для которой характерно множество подобных вариантов значений. Индивид при этом является носителем определенной идентичности и как субъект помещен внутрь одного из дискурсов. Когда происходит столкновение между личностями (группами индивидов), неизбежно сталкиваются и их идентичности. Дискурсивная борьба таких идентичностей может порождать социальные антагонизмы, поскольку в ее основе всегда присутствует понятие «другие».

Дизайн исследования

На первом этапе было осуществлено когнитивное картирование содержания наиболее влиятельных социально-медийных сообществ, подчиненных внешней координации и таргетированных на крымскую и севастопольскую аудиторию блоггера «ВКонтакте» – самого популярного социального медиа России. По критериям релевантности предмета исследования, отсутствия «ботомании», влиятельности сообщества (не менее 300 подписчиков) были отобраны 153 онлайн-сетевые группы. В ходе первичной ручной обработки содержания данных сообществ были установлены и отфильтрованы те группы, которые перестали осуществлять публикационную активность. В результате когнитивному картированию подверглись 16 сообществ (см. табл.). Тот факт, что около 90% влиятельных и заметных в социально-медийном пространстве групп, заявленных в период с 2014 до 2019 г. как сообщества, обсуждающие проблемы развития Крыма в составе Российской Федерации и являющиеся в своем большинстве площадками для формирования антироссийских установок, дезинтеграции и деконсолидации крымского общества, завершили свое функционирование, может говорить об интенсивной работе внешних лидеров, тестирующих различные форматы видения данных сообществ, испытывающих разные приемы воздействия на крымчан и севастопольцев, а также об осуществлении точечных информационных ударов по крымскому консенсусу. Таким образом, на сегодняшний день три десятка сообществ социальных медиа продолжают активную работу по подрыву процесса социокультурной интеграции Крыма и Севастополя в российское общество. Именно данные группы были картированы по следующим критериям: тема, дискурс, контекст, триггер, прием воздействия, формат документа, инструмент вирусной атаки, характеристики пользовательской активности. Выборочная совокупность документов, подлежащих картированию, формировалась методом механического отбора (по 10 сообщений в каждой группе – исследовательском кейсе каждой срединной недели каждого месяца, датированные периодом с 01.02.2020 по 30.04.2020 (шаг отбора для отобранных 16 сообществ вычислялся индивидуально в зависимости от количества публикаций в отобранные недели), таким образом, в базе данных 480 документов).

На втором этапе был осуществлен анализ базы когнитивного картирования с применением программы SPSS Statistics 24.0. Задачами данного этапа были сегментирование документов по темам, дискурсам, используемым контекстам; выявление сопряженности между дискурсами, приемами воздействия и характеристиками пользовательского резонанса в отношении внешнего информационного воздействия.

На третьем этапе применялся анализ дискурсных практик наиболее содержательных сообщений из базы когнитивного картирования с целью выявления семантических пучков, формирующих в социально-медийной среде смыслы и значения в сфере социально-культурной интеграции / дезинтеграции Крыма и Севастополя как регионов РФ (всего качественно проанализировано 100 сообщений из всех отобранных сообществ).

Результаты

Когнитивное картирование

Сообщества, отобранные на основе указанных в дизайне исследования критериев, представлены в табл.

Распределение проанализированных сообщений по темам представлено на рис. 1. Очевидно, что в изучаемый период в связи с распространением COVID-19 в мире и России существенная доля сообщений была сфокусирована на оценке ситуации борьбы с коронавирусом и выражении отношения к решениям российской власти, мерам по преодолению развития пандемии в России и Крыму. Отметим, что 93,2% сообщений, отражающих тему борьбы с коронавирусом, имеют непозитивный в отношении российской власти характер (55,9% – нейтральный и 37,3% – негативный). Другими словами, даже тема, напрямую не связанная с проблемами интеграции Крыма в состав России, используется внешними силами для конструирования недоверия крымчан в отношении российской власти, для установления информационного доминирования негативного фона обсуждения решений представителей Российского государства.

Таблица

Цифровые сообщества – объекты когнитивного картирования

Название сообщества	Число подписчиков	Ссылка
Крым – це Україна Геть руки від Криму	7112	https://vk.com/uakrim
АнтиМайдан Мариуполь (club64994882)	20 149	https://vk.com/club64994862
Лента новостей Крыма	3985	https://vk.com/public60779074
Крымские татары – Кырымтатарлар	8100	https://vk.com/qirimli_balalar
Free Speech	7208	https://vk.com/public88390122
Информационная война	55 745	https://vk.com/club4121067
Новости Крым – UA	2431	https://vk.com/club76624197
Печальный хохол	8563	https://vk.com/sadcrest225
Чё тама?	305	https://vk.com/public150765683
Геополитика. Политика. Аналитика. Вооружение	8966	https://vk.com/public102868701
Ложь и абсурдность СМИ на фоне массового запоя	36 300	https://vk.com/club6569643
Крымский бандеровец /// Crimean banderovec (club89669756)	443	https://vk.com/club89669756
Сводки от ополчения Новороссии (club57424472)	444 865	https://vk.com/public57424472
Украины больше нет! (club94269450)	20 797	https://vk.com/public94269450
ДОНБАСС – КРАЙ РОДНОЙ (club115312870)	1777	https://vk.com/club115312870
НОВОРОССИЯ SaveDonbassPeople Анти-майдан (club43806582)	32194	https://vk.com/public43806582

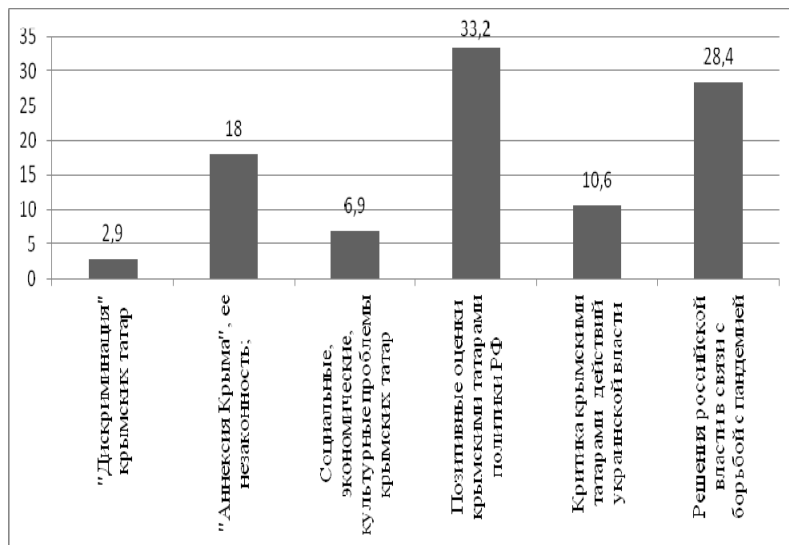

Рис. 1.
Распределение сообщений по темам, в %

По-прежнему в дискурсных практиках онлайн-сетевых сообществ, координируемых внешними силами, доминирует тема «аннексии», тема «незаконного» присоединения Крыма к России (33,2%, см. рис. 1). Эти тенденции в анализируемых сообществах коллектив авторов фиксировал в течение 2016–2019 гг. [Ценностные установки ..., 2017, с. 45–48; Состояние и динамика ..., 2018, с. 25–31]). Таргетными аудиториями при этом являются представители молодого поколения полуострова, испытывающие затруднения в процессе формирования новой национально-государственной идентичности, этнические меньшинства (прежде всего – крымские татары и украинцы), представители внесистемной оппозиции изучаемых регионов-мишеней внешнего информационного влияния. Еще две взаимоисключающие темы также довольно широко представлены в содержании исследуемых сообществ. Первая – позитивные оценки крымскими татарами политики РФ (18,0%), и это новый аспект риторики, появившийся в таком объеме в дискурсном поле изучаемых сообществ. Эта лексика характерна для внешних сообществ пророссийской направленности. Вторая тема – «дискриминация» крымских татар (10,6%, см. рис. 1). Данная тема лидировала во внешнем дискурсе, таргетированном на социально-медийную аудиторию Крыма и Севастополя 2015–2017 гг. [Ценностные установки ..., 2017, с. 45–48; Состояние и динамика ..., 2018, с. 25–31]. В совокупности с долей смежных к указанной теме сообщений о специфических социальных, экономических и культурных проблемах крымско-татарской общности (6,9%) документы, акцентирующие внимание на «нарушении гражданских прав» крымских татар, пренебрежении их интересами, составляют 17,5%. Это указывает на использование внешними силами приемов манипуляционного дискурса и манипуляционного убеждения, ориентированных на общности, принадлежащие к этническим меньшинствам, в целях мобилизации протестных, деконсолидационных настроений в отношении интеграции в российское общество.

Важный аспект взаимосвязи темы и контекста сообщений, оказывающих внешнее информационное давление на крымскую аудиторию социальных медиа, представлен на рис. 2. Показательно, что обсуждение экономических трудностей Крыма в транзитный период, в фазу, отягощенную санкциями западных государств, чаще всего подается в контексте проблем, которые испытывают крымские татары, т.е. налицо сфокусированность на мобилизации

«чувства несправедливости», таргетированного на пользователей по национальному признаку. Тот же контекст лидирует и в связи с обсуждением «нелегитимности» действий российской власти (см. рис. 2). Акцентное внимание на «несправедливости российской федеральной политики» в отношении крымских татар в сообщениях существует в основном на фоне другой смысловой доминанты – «аннексии Крыма», предопределяющей и объясняющей, с точки зрения внешних онлайн-сетевых лидеров, причины данной «несправедливости».

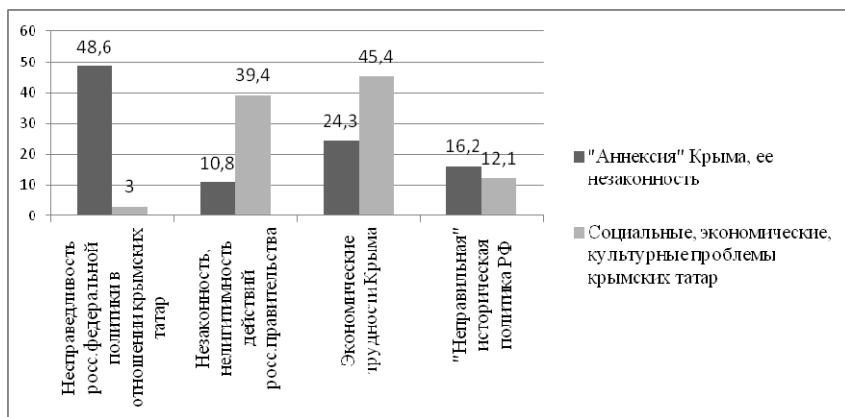

Рис 2.
Сопряженность между темой сообщения и его контекстом, в %

Говоря о модальности риторики украинских социально-медийных лидеров мнения в отношении российской власти, следует констатировать преобладание негативных оценок (61,3% сообщений), нейтральные представлены в 36,3% и позитивные – лишь в 2,4% проанализированных документов. В данном случае имеет место информационная агрессия внешних сил, направленная на искажение представлений целевой аудитории о реальных мотивах первых лиц Российского государства в процессе осуществления ими своей деятельности.

На рис. 3 установлено соотношение между тональностью сообщений в отношении российской власти и контекстами документов. Среди негативно окрашенных сообщений преобладают

два аспекта: экономические проблемы развития Крыма и смысловой акцент на незаконности решений российской власти (см. рис. 3). Конструируя дискурс негативного отношения к российской власти, внешние силы фокусируют внимание целевой аудитории на «неспособности Кремля» обеспечить устойчивое экономическое развитие «аннексированного» им полуострова.

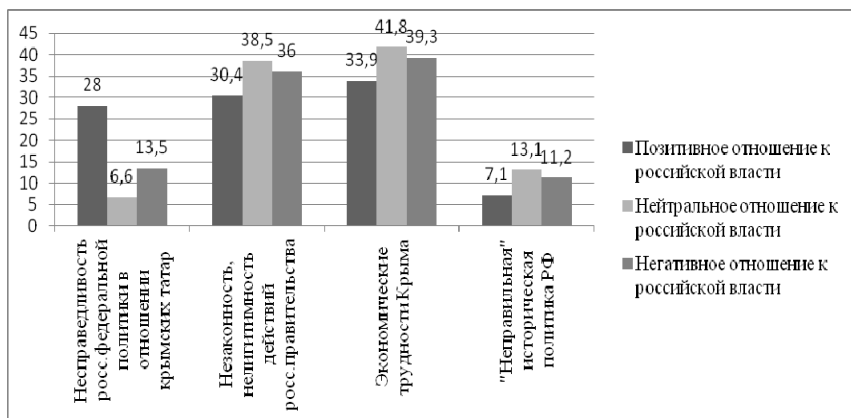

Рис. 3.

Соотношение между контекстом сообщения и выраженным в нем отношением к российской власти, в %

Обращает на себя внимание доминирование позитивных оценок органов власти РФ среди сообщений, написанных в контексте «несправедливости российской власти» в отношении крымских татар (см. рис. 3). Эта взаимосвязь характерна для массива документов, сгенерированных пророссийскими силами и делающих акцент на искажении положения крымских татар, эксплуатации «карты» исторического чувства вины граждан бывшего СССР в отношении представителей этой нации. В данных сообщениях преобладает ирония и зачастую сарказм в оценках позиции крымских татар, которые можно объяснить очевидной установкой пророссийских цифровых сообществ (ДНР и ЛНР) на критику той нации, которая имеет возможность развиваться в составе России, но склонна к негативизму в отношении российской власти.

Анализ корреляций базы когнитивного картирования показал следующие взаимосвязи:

– с ростом негативности отношения к российской власти в сообщении растет комментарийная активность в отношении сообщения (коэффициент по Пирсону $-0,198^*$);

– с ростом негативности отношения к российской власти в сообщении растет интенсивность использования эмоциональных / аффективных приемов воздействия на пользовательскую аудиторию (коэффициент по Пирсону $-0,339^{**}$);

– с ростом интенсивности проявления неконвенциональных установок по отношению к российской власти растет комментарийная активность в отношении сообщений (коэффициент по Пирсону $0,269^{**}$);

– с ростом интенсивности проявления неконвенциональных установок по отношению к российской власти растет виральный потенциал сообщений (пользовательская активность по осуществлению перепоста документа) (коэффициент по Пирсону $0,269^{**}$).

Анализ дискурсивных практик нацелен на изучение дискурсивных практик разных жанров и выявление дискурсивных приемов, наиболее заметных в информационных потоках внешних сил, таргетированных на крымскую социально-медийную аудиторию.

В анализируемый период наблюдаются две тенденции в процессе формирования дискурсивных практик, таргетированных на пользователей Республики Крым и г. Севастополя внешними силами: с одной стороны, воспроизводятся прежние дискурсы, характерные для 2014–2019 гг. («аннексия и оккупация Крымского полуострова Россией», «агрессивная политики России в отношении Украины», «нарушение гражданских прав, гонения на представителей этнических общностей: крымских татар и украинцев, неблагоприятные последствия для крымского общества санкций западных государств») [Ценностные установки молодежи Крыма и Севастополя ..., 2017, с. 45–48; Состояние и динамика русскоязычных потоков ..., 2018, с. 25–31]; с другой стороны, появляются новые дискурсивные практики на фоне развивающейся в мире и России пандемии COVID-19. Это обстоятельство используется внешними силами как повод для аргументации против решений российского правительства, как повод для дальнейшей критики в отношении органов власти России, нацеленной на снижение доверия к российской власти со стороны крымских и севастопольских пользователей социальных медиа.

Проанализируем наиболее показательные семантические пучки новых медиа, нацеленных на пользовательскую аудиторию Крыма и Севастополя.

Наиболее заметными по-прежнему остаются дискурсивные практики, ориентированные на поддержание «убежденности» крымчан и севастопольцев во временности так называемой «российской оккупации». В цифровых сообществах, лидеры которых нацелены на укрепление в сознании крымских и севастопольских подписчиков идеи о «неизбежном возвращении полуострова в Украину», делается акцент на двух аспектах: диалог с данными пользователями как с «гражданами Украины на временно оккупированной территории» и на конструирование образа России и российской власти как агрессора и захватчика. Чаще всего дискурсивным приемом в этих случаях является конструирование гиперреальности (сфабрикованной «реальности»).

Типичными высказываниями служат следующие цитаты: *«Держитесь Крымчане недолго осталось. Украинцы с вами! Вы наши люди... Теряйся оккупант, только здоровье береги, тебе и твоим детям еще платить Крымчанам за оккупацию и незаконную аннексию... В Крыму проходят очередные военно-террористические учения российских оккупантов»¹.*

Следующий дискурс, довольно представительный для социально-медийных сообществ, координируемых внешними силами и нацеленных на пользователей полуострова, – ущемление прав крымских татар. В 2018–2019 гг. исследовательский коллектив авторов отмечал снижение ставок украинских внешних онлайн-сетевых лидеров мнения на данную тему, однако когнитивное картирование содержания сообществ – отобранных кейсов – в 2020 г. позволяет говорить, что сюжет с крымскими татарами вовсе не снят с повестки. Для конструирования этого дискурса используется такой продуктивный и влиятельный прием, как бриколаж. Об этом свидетельствуют такие фразы:

«Сегодня оккупанты начали судить крымскотатарскую активистку...»

«В Бахчисарае умерла мать арестованного крымского татарина, политзаключенного»².

¹Крим – це Україна | Геть руки від Криму. – Режим доступа: <https://vk.com/uakrim> (дата посещения: 10.05.2020)

²Там же.

Еще один довольно типичный для социально-медийных дискурсов последних шести лет, сфокусированных на дезинтеграцию крымского сообщества, на формирование представлений его жителей о российской власти как об агрессоре и захватчике, – так называемые «преступления РФ против Юго-Восточных регионов Украины». В данных высказываниях внешние социально-медийные лидеры концентрируются вокруг «аргументации», согласно которой «вмешательство России» ухудшило положение дел в ДНР и ЛНР:

«Зацените, какой прекрасный “русский мир” построили рашистские оккупанты в Донецке. Зарплата подсобного рабочего – 1170 грн. Это 49 \$ в месяц. Слесарь-электрик – 1500 грн. 63 \$ бакса, Карл! Зато бесплатный проезд в трамвае!»¹.

Особым дискурсом, конструируемым украинскими лидерами мнений и работающим на крымскую и севастопольскую пользовательскую аудиторию, служит способ подачи информации о российской власти, нацеленной на подрыв доверия жителей полуострова президенту РФ и его окружению. Аргументация при этом довольно узка и редуцирована до тезисов о снижении уровня жизни россиян:

«Есть такая поговорка: “лекарство хуже болезни”. Лучшие всего она подходит к тем мерам “поддержки бизнеса”, которые президент Путин предложил в своем последнем обращении. Элементарный подсчет показывает: если предприниматель решит прибегнуть к путинской “помощи”, для него это закончится плачевно»².

Заключение

1. Для исследования дискурсов информационных потоков внешнего информационного давления на регионы- и группы-мишени в социальных медиа продуктивно применение концепции социального воспроизводства дискурса, концепции критического дискурс-анализа и дискурсной теории Э. Лакло и Ш. Муфф. Син-

¹ Крымские татары – Къырымтатарлар». – Режим доступа: https://vk.com/qirimli_balalar (дата посещения: 10.05.2020)

² Информационная война. – Режим доступа: <https://vk.com/club4121067> (дата посещения: 10.05.2020)

тез положений указанных концепций и теорий исследования дискурса позволяет учитывать такие его параметры, как коэволюционная связь с социальной действительностью, направленность на идеологическое подчинение, репрезентация борьбы и конкуренции идентичностей.

2. Применение методики когнитивного картирования социально-медийного потока внешнего информационного давления позволяет структурировать данные по ряду критериев: тема, дискурс, контекст, триггер, прием воздействия, формат документа, инструмент вирусной атаки, характеристики пользовательской активности.

3. Цифровыми маркерами, делающими возможной идентификацию принадлежности лидера общественного мнения / онлайн-сообщества к сетевой инфраструктуре внешнего информационного давления, являются: негативная модальность в оценке любых действий объектов дискредитации; апеллирование к темам, стимулирующим социальный антагонизм; нацеленность на целевые группы, испытывающие затрудненный процесс формирования новой национально-государственной идентичности.

4. Искусственный, внешний характер антироссийских социально-медийных потоков, направленных на молодежь и этнические меньшинства Крымского полуострова, подтвержден данными анализа корреляций базы когнитивного картирования: с ростом негативности отношения к российской власти в сообщении растет интенсивность использования эмоциональных / аффективных приемов воздействия на пользовательскую аудиторию и увеличивается комментарийная активность.

5. Семантическое ядро информационного потока внешнего давления в крымском сегменте социальных медиа составляют такие дискурсы, как «временность оккупации», «ущемление прав крымских татар», «преступления РФ против Юго-Восточных регионов Украины». Основными манипулятивными приемами, использующимися в информационных потоках внешнего давления в Крыму, являются конструирование гиперреальности и бриколаж.

Перспективы исследования

Перспективы исследования дискурсов внешнего информационного давления в социальных медиа на регионы- и группы-мишени связаны как с новыми содержательными, так и технологическими аспектами продолжения научного поиска. В связи с этим актуальными представляются следующие задачи:

- создание прототипа интерактивной цифровой карты изменения содержания, структуры и динамики украинского информационного потока, адресованного населению Крыма и Севастополя;
- разработка типологии лидеров и центров общественного мнения в крымском сегменте социальных медиа Украины;
- определение типологии социальных, ценностных, психологических профилей молодых крымчан с затрудненной / конфликтной ресоциализацией;
- формирование базы визуальных и текстовых триггеров актуализации протестного потенциала и неконвенционального поведения молодых крымчан с затрудненной / конфликтной ресоциализацией;
- выявление системы доминирующих стратегий поведения молодых крымчан с затрудненной / конфликтной ресоциализацией и технологий трансформации неконвенционального протестного потенциала;
- создание программы рекомендаций, направленной на противодействие антироссийской риторике и купирование негативных общественно-политических эффектов внешнего информационного давления в социальных медиа Крыма и Севастополя.

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 334 с.
- ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.
- Евгеньева Т.В.* Крым в пространстве российской идентичности: образно-символическое измерение // Ценности и смыслы. – 2017. – № 4 (50). – С. 20–33.
- Заритов Р.И.* Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 23. – С. 95–106.

- Кафтан В.В.* Постмодернистские основания репрезентации современной войны // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2015. – № 3. – С. 58–65. – DOI: <https://doi.org/10.12737/13641>
- Кошкарлова Н.Н., Руженцева Н.Б., Зотова Е.Н.* «Российская агрессия» по-американски и «российский след» по-украински // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67). – С. 74–81.
- Кутковая Е.С.* Дискурс-анализ эмоций и теория позиционирования в исследовании социального события // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 34. – С. 6.
- Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 199 с.
- Марецкая Н.А.* Отражение имиджа Украины в украинской блогосфере (2013–2015 гг.) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия История. Политология. – 2017. – Вып. 41, № 1 (250). – С. 171–177.
- Озюменко В.И.* Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2017. – Вып. 21, № 1. – С. 203–220. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220>
- Попова Т.Г., Заринов Р.И.* Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 125–129.
- Почепцов Г.Г.* Психологические войны. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – С. 362.
- Состояние и динамика русскоязычных потоков о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе: киберметрия и дискурс-анализ сообщений социальных медиа рунета / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов, А.В. Чередник // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – № 8 (4). – С. 23–35.
- Фуко М.* Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 уч. г. – СПб.: Наука, 2004. – 432 с.
- Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – С. 47–96.
- Ценностные установки молодежи Крыма и Севастополя в сфере межнациональных отношений: результаты прикладного анализа / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов, С.А. Казаченко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 42–51.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2005. – Режим доступа: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EVD/10.02.00/020004014.pdf> (дата посещения: 10.05.2020)
- Fairclough N.* Critical discourse analysis as a method in social scientific research // Methods of critical discourse analysis / R. Wodak, M. Meyer (eds). – London: Sage, 2001. – P. 121–138.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and socialist strategy. Towards radical democratic politics. – London; New York: Verso, 2001. – 240 p.
- Libicki M.C.* What is Information Warfare? – Washington: National defense univ., 1995. – 672 p.
- Rona T.* Weapon systems and information war. – Seattle: Boeing Aerospace, 1976. – 71 p.

van Dijk T. Society and discourse. How social contexts influence text and talk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 287 p.

E.V. Brodovskaya, A.Y. Dombrovskaya, R.V. Pyrma*
Discourses of external information pressure
in the Crimean and Sevastopol Runet segments:
features, addressees, conflict potential

Abstract. The article presents the results of an applied study of discourse formations in information flows of external origin, targeted to the Crimean and Sevastopol social media audiences. The features of external information pressure on the Crimea and Sevastopol as target regions, the methods of information aggression, information domination, carried out with the aim of deconsolidating the peninsula community, undermining the trust of its representatives of the Russian government, biasing ideas and stereotyping the motives of the leaders of the Russian state, are studied. The research design is based on a comprehensive, hybrid empirical analysis strategy and includes methods of quantitative and qualitative approaches. Cognitive mapping of the content of messages of digital communities moderated by external leaders involves a structural analysis of contextual, thematic characteristics of information related information flows, establishing a relationship between the thematic palette of external information pressure and manipulation techniques, message tonality and user resonance on these information flows. The study of discursive practices of selected digital groups is aimed at a meaningful analysis of discourse formations of various genres, discourse techniques focused on the formation of stereotypes of target groups thinking in relation to the problems of the development of Crimea as part of the Russian Federation. Based on the results of the study, a conclusion is made about thematic dominants, leading methods for the formation of discourses, the relationship between the leading techniques of stereotyping consciousness of a user audience – a target of external forces and characteristics of public resonance. At the end, as one of the many perspectives of the study, the creation of a program of recommendations aimed at counteracting anti-Russian rhetoric and stopping the negative socio-political effects of external information pressure in the social media of Crimea and Sevastopol is announced.

* **Brodovskaya Elena**, Financial university under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); Moscow state pedagogical university (Russia, Moscow), e-mail: brodovskaya@inbox.ru; **Dombrovskaya Anna**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); Moscow state pedagogical university (Russia, Moscow), e-mail: an-doc@yandex.ru; **Pyrma Roman**, Financial university under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: pyrma@mail.ru

Keywords: discourse; discourse techniques; external information pressure; information domination; information aggression; target regions; social media; Crimea; Sevastopol; cognitive mapping; discourse analysis.

For citation: Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Y., Pyrma R.V. Discourses of external information pressure in the Crimean and Sevastopol Runet segments: features, addressees, conflict potential. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 243–265. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.11>

References

- Berger P., Luckmann T. *Social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 1995, 334 p. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D.N. et al. Value orientations of youth of Crimea and Sevastopol in sphere of international relations: results of the applied analysis. *Bulletin of the Tula State University. Film Humanities*. 2017, N. 3, P. 42–51. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D.N. et al. The status and dynamics of Russian-lingual threads on inter-ethnic and inter-religious relations in the Crimea and Sevastopol: cybermetric and discourse analysis of social media messages in runet. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018, N. 8 (4), P. 23–35. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V. Crimea in the space of Russian identity: figurative and symbolic dimension. *Values and meanings*. 2017, N 4 (50), P. 20–33. (In Russ.)
- Fairclough N. Critical discourse analysis as a method in social scientific research. In: *Methods of critical discourse analysis*. R. Wodak, M. Meyer (eds). London: Sage, 2001, P. 121–138.
- Foucault M. *Abnormal: lectures at the College de France, 1974–1975*. Saint Petersburg: Nauka, 2004, 432 p. (In Russ.)
- Foucault M. The order of discourse. In: Foucault M. *The will to the truth: Beyond knowledge, power and sexuality*. Moscow: Castal, 1996, P. 47–96. (In Russ.)
- Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and socialist strategy. Towards radical democratic politics*. London, New York: Verso, 2001, 240 p.
- Libicki M.C. *What is Information Warfare?* Washington: National defense univ., 1995, 672 p.
- Kaftan V.V. Post-modernist grounds of modern warfare representation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015, N 3, P. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.12737/13641> (In Russ.)
- Koshkarova N.N., Ruzhentseva N.B., Zotova E.N. «Russian aggression» American-style and «Russian trace» Ukrainian-style. *Political Linguistics*. 2018, N. 1 (67), P. 74–81. (In Russ.)
- Kutkovaya E.S. Discourse analysis of emotions and positioning theory in studying social events. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2014. N. 34, P. 6. (In Russ.)
- Lasswell H.D. *Propaganda technique in the World War*. Moscow, Saint Petersburg: State Publishing House, 1929, 199 p. (In Russ.)

- Maretskaya N.A. The reflection of the image of Ukraine in the Ukrainian blogosphere (2013–2015 years). *Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political science*. 2017, N 1 (250), P. 171–177. (In Russ.)
- Ozyumenko V.I. Media discourse in an atmosphere of information warfare: from manipulation to aggression. *Russian Journal of Linguistics*. 2017, Vol. 21, N 1, P. 203–220. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220> (In Russ.)
- Popova T.G., Zaripov R.I. Metaphorical representation of Russia's image in western media. *Political Linguistics*. 2017, N 5 (65), P. 125–129. (In Russ.)
- Pochepstov G.G. *Psychological wars*. Moscow: Reflbook, 2000, 362 p. (In Russ.)
- Rona T. *Weapon systems and information war*. Seattle: Boeing Aerospace, 1976, 71 p.
- Sheigal E.I. *The semiotics of political discourse: dis...* Dr. Sci. (Filol). Volgograd, 2000. Mode of access: <http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/020004014.pdf> (accessed: 05/10/2020) (In Russ.)
- van Dijk T. *Discourse and power*. Moscow: Librocom, 2013, 344 p. (In Russ.)
- van Dijk T. *Society and discourse. How social contexts influence text and talk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 287 p.
- Zaripov R.I. Manipulation impact through metaphors as an element of information warfare. *Journal of Psycholinguistics*. 2015, N 23, P. 95–106. (In Russ.)